

УДК 81'38
ББК 81.2-5

Г.Ф. Гаврилова

**КАТЕГОРИИ НЕГАЦИИ
И ИНТЕНСИВНОСТИ
В ЯЗЫКЕ ПРОЗЫ
А. П. ЧЕХОВА:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-
СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Исследуется функционально-стилистическая роль категорий негации и интенсивности в языке прозаических произведений художественных текстов А. П. Чехова, делается вывод об оптимальном использовании выдающимся художником слова наглядно-образительных потенций данных категорий. Отмечается, что та или другая категории в языке прозы писателя – средство деавтоматизации восприятия текста читателем в силу контрастного несоответствия содержания данных категорий этическим или эстетическим нормам, существующим в сознании говорящих. Кроме того, данные категории у А. П. Чехова – важное композиционно-структурирующее, а также экспрессивно-эмоциональное средство, цель которого – создание художественного единства ткани произведения.

Ключевые слова: *интенсивы, деинтенсивы, коллор, деавтоматизация восприятия, приём остранения, контраст, квалитативы, квантитативы.*

Гаврилова Галина Фёдоровна – докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи Педагогического института Южного федерального университета
Тел.: 8(863) 240-82-09

© Г.Ф. Гаврилова, 2009 г.

Творческое наследие А.П. Чехова активно изучалось и изучается современными литературоведами, лингвистами и продолжает вызывать интерес всё новых и новых исследователей, хотя кажется почти полностью изученным. Гениальные художественные тексты А.П. Чехова, о языке и стиле которых писали многие учёные, начинают сейчас вдруг обнаруживать новые возможности лингвистического и филологического анализа.

Такова, например, монография В.П. Ходуса «Метапоэтика драматического текста А.П. Чехова» (Ставрополь, 2008), многочисленные публикации материалов чеховских чтений, проходящих в Таганроге, на родине писателя, а также целый ряд межвузовских сборников.

Однако до сих пор многие аспекты языка А. П. Чехова остаются мало изученными. Такова, в частности, проблема стилистических художественных особенностей языковых средств репрезентации в его прозе семантики функционально-семантических категорий негации (отрицания) и интенсивности. Даже в кандидатской диссертации О.Н. Фортунуны «Разноуровневые средства выражения интенсивности и негации и их стилистические функции в языке прозы А.П. Чехова» (Ростов н/Д, 2001) в основном уделяется внимание описанию разнообразных языковых средств выражения данных категорий и минимальное внимание – их стилистическим функциям.

В энциклопедии «Русский язык» (Москва, 1979) содержание понятия «отрицание» формулируется следующим образом: «Отрицание – элемент значения предложения, указывающий на отсутствие связей между некоторыми явлениями, о которых говорится в предложении». В.М. Труб отмечает, что они выполняют роль «чистой», истинной оценки, указывающей на соответствие или несоответствие некоторого мнения действительности [Труб, с. 23].

Однако, на наш взгляд, отрицание несколько шире по объёму выражаемых им значений. Во-первых, успешное употребление отрицательных конструкций, как правило, предполагает присутствие в когнитивных адресанта знания об убеждённости адресата в наличии фактов, прямо противоположных отрицаемому.

При восприятии отрицательных высказываний адресат обнаруживает контраст между теми общими когнитивными знаниями, которые существуют в его сознании, и изображаемым отрицаемым фактом. Это создаёт эффект обманутого ожидания и тем самым служит деавтоматизации восприятия предлагаемого высказывания или текста, их экспрессивности, усиливает их воздействующую силу.

Отрицательные конструкции служат средством активного воздействия на эмотивно-волевою сферу читателя, влияя на его оценки и настроение. Ещё К.Д. Дондуа в этом плане отмечал особенность категории отрицания, заключающуюся в том, что она вплетена в самую ткань языка, составляет органическую его часть. Этим объясняется тот факт, «что отрицательное настроение распространяется на всё предложение или ряд предложений в определённом отрезке речи» [Дондуа, с. 185].

Созданию настроения неприемлемости отрицания, чувства протеста способствует и почти неизбежный повтор, обусловленный присутствием в языке ограниченных грамматических средств выражения прямого отрицания – частиц *не, ни*, приставок *не-, без-* и др.

Распространяясь на всё высказывание, текст, языковые средства отрицания в художественной речи выполняют текстообразующую и композиционную функции, соединяя компоненты текста в единое целое.

Академик В.В. Виноградов справедливо отмечал близость отрицания к категории модальности, к категории субъективно-объективной, выражающей отношение автора к сообщаемым им фактам действительности – обычно негативное [Виноградов, с. 504 – 505].

Все эти особенности отрицания оптимально используются в языке произведений А.П. Чехова с целью выражения социальных, этических оценок фактов, которые противоречат содержанию коллективных знаний читателей о нормах их проявления, которые, однако, отсутствуют в изображаемом автором мире. Цель их употребления – не столько информация об отсутствии какого-либо факта в изображаемой автором действительности, сколько воздействие на читателя, чему способствует присутствие в их семантике волевого начала.

Большое место отрицательные конструкции занимают в негативной характеристике персонажей, в частности героинь в произведениях А.П. Чехова «Попрыгунья», «Анна на шее». Героиня рассказа «Попрыгунья» – талантливая, но легкомысленная женщина. Её крайнее равнодушие к мужу, известному врачу, который жертвует для неё всем, приводит к трагическому финалу.

В ответ на сообщение мужа об успешной защите им диссертации, ожидавшего, что она разделит с ним радость его успеха, Ольга Ивановна *ничего не сказала*, так как спешила в театр.

И только после смерти Дымова, она понимает, насколько виновата перед беззаветно любившим её человеком, которому она в своё время изменяла: *Она уже не помнила ни лунного вечера на Волге, ни объяснения в любви, ни поэтической жизни в избе, а помнила только, что из пустой прихоти, из баловства, вся, с руками и ногами, вымазалась во что-то грязное, липкое, от чего уже не отмоешься* (Попрыгунья).

Для подчёркивания контрастов образов Дымова и Ольги Ивановны А.П. Чехов не просто прибегает к отрицательным высказываниям с частицей «не». Отрицание в них усилено либо противопоставлением, либо употреблением усилительной частицы «ни», слов «никак», «ничто», «никогда» (квантитативных интенсификаторов), что служит деавтоматизации восприятия текста читателем и делает текст особенно экспрессивным.

Описывая переживания Ольги Ивановны, её раскаяние, по существу признание ею вины в смерти мужа, А.П. Чехов использует приём отстранения, превращая героиню в повествователя, псевдоавтора и тем самым в какой-то мере прощая её за причинённое ею зло.

Создавая образ отрицательного персонажа, используя отрицательные конструкции, автор создаёт читателю возможность контрастного сопоставления поведения персонажа с теми представлениями об этических нормах, существующих в менталитете социума, к которому принадлежит читатель. Тем самым автор путём использования категории негации акцентирует внимание читателя на необходимости соблюдения существующих в социуме норм поведения и в этом плане воздействует на его эмоционально-волевое «я».

То же самое наблюдается в рассказе «Анна на шее», где чётко прослеживается динамика образа и где персонаж – скромная, интеллигентная девушка из бедной семьи «на глазах» у читателя превращается в самоуверенного, грубого и бездушного человека.

Выйдя замуж за пожилого обеспеченного чиновника и, оказавшись в «светском кругу», Анна становится совсем другой. Всё это автор передаёт мастерски при посредстве отрицательных конструкций: *Аня зазывала покупателей и брала с них деньги, уже глубоко убеждённая, что*

её улыбка, взгляды не доставляют этим людям **ничего**, кроме большого удовольствия (Анна на шее).

Анна по отношению к мужу, на средства которого она живёт, ведёт себя грубо, вызывая: *с восторгом, с негодованием, с презрением, уже уверенная, что ей за это **ничего** не будет, она сказала, отчётливо выговаривая каждое слово: – подите прочь, болван!*

*После этого у Ани **не** было уже **ни** одного свободного дня, так как она принимала участие то в пикнике, то в прогулке, то в спектакле (Анна на шее).*

Аня забыла о своей несчастной семье, о пьющем отце, о малолетних братьях, и когда вспоминала о них, то поскорее старалась забыть: *Как **некстати** было это воспоминание!* – думает она.

То, что обращаться к Анне за помощью бесполезно, прекрасно понимают её братья. В произведении, как круговой колюр (по терминологии Е.И. Дибровой – [Диброва] повторяется, как рефрен, произносимая ими фраза, – опять с отрицанием. В начале рассказа она произносится в адрес хмельного отца, прощающегося с только что вышедшей замуж Анной: *Папочка будет... Папочка, **не надо**...* (Анна на шее).

В конце рассказа почти эта же фраза звучит, когда Пётр Леонтьич пытается обратить на себя внимание проезжающей на тройке Анны: – ***Не надо, папочка... Будет, папочка...*** – просят отца её братья.

Таким образом, автор, используя всего несколько отрицательных высказываний, полностью развенчивает образ красавицы-героини, крайне эгоистичной, поглощённой своим иллюзорным успехом.

Не менее яркий психологический образ персонажа-повествователя предстаёт перед нами в произведении «Моя жизнь». Мисаил, герой этого рассказа, – человек общественно мыслящий и всем своим поведением протестующий против бескультурья окружающих, несправедливости, всяческого унижения людей физического труда. Выходец из интеллигентной среды, он демонстративно порывает со своей семьёй и становится простым рабочим.

О быте провинциального города, в котором Мисаил живёт, он говорит: *И как жили эти люди, стыдно сказать: **ни** сада, **ни** театра, **ни** порядочного оркестра, городская и клубная библиотеки посещались только евреями-подростками, так что журналы и новые книги по месяцам лежали **неразрезанными*** (Моя жизнь).

И далее: *Ели **невкусно**, пили **нездоровую** воду. В думе, у губернатора, архиерея и всюду в домах много лет говорили о том, что у нас в городе **нет** хорошей воды и что **необходимо** занять у казны двести тысяч на водопровод* (Моя жизнь).

Не менее резко псевдоавтор характеризует условия, в которых ему и другим рабочим приходилось жить и работать: *Работать было трудно, ливень **портит** всё, что мы успевали сделать. Жить и спать в стан-*

ционных зданиях нам **не позволялось**, и ютились мы в грязных сырых землянках, где летом жила «чугунка», и по ночам я **не мог спать** от холода и от того, что по лицу и по рукам ползали мокрицы (Моя жизнь).

Мисаил не может примириться с теми унижениями, с которыми столкнулся, занимаясь физическим трудом, и чувствует, что против всего этого протестует не только персонаж-повествователь, но и сам автор. При этом часто отрицание выражается самим лексическим значением слова: *В лавках нам, рабочим, сбывали **тухлое** (=несвежее. – Г.Г.) мясо, леглую муку и спитой чай; в церкви нас толкала полиция, в больницах нас обирали фельдшера и сиделки, и, если мы по бедности **не давали** им взяток, то нас в отместку кормили из **грязной** (=не чистой. – Г.Г.) посуды, на почте самый маленький чиновник считал себя вправе обращаться с нами, как с животными, и кричать **грубо и нагло** (=невежливо. – Г.Г.): «Обожди! **Куда лезешь?**». Даже дворовые собаки – и те относились к нам **недружелюбно** и бросались на нас с какою-то особенною злобой. Но главное, что больше всего поражало меня в моём новом положении – это совершенное **отсутствие** справедливости, что у народа определяется словами: «Бога забыли». Редкий день обходился **без мошенничества** (Моя жизнь).*

И далее резюме: *Само собой **ни о каких** наших правах **не могло быть и речи**, и свои заработанные деньги мы должны были всякий раз выпрашивать как милостыню, стоя у чёрного крыльца **без шапок** (Моя жизнь).*

В данных фрагментах повести мало прямых отрицаний с частицей «не», но есть косвенно выраженное отрицание «*Куда лезешь?*» и отрицания, выраженные существительными: «*отсутствие справедливости*», «*Бога забыли*», т. е. не помнят, «*тухлое мясо*», т. е. несвежее и др. Таким образом, А.П. Чехов как бы стремится разнообразить языковые средства негации, избегая ненужных, по его мнению, повторов.

Категория негации, средства её выражения широко используются А.П. Чеховым и в оценке персонажем фактов, вызвавших его отрицательные эмоции. Такой подход несомненно способствует и глубокой психологической характеристике персонажа – субъекта оценки.

Ярким образцом такого психологизма в изображении героя является рассказ «О любви», который почти целиком посвящён повествованию Алёхина – персонажа и фактически псевдоавтора произведения. Центральная тема его рассказа – тема обоюдной, но волею судеб неразделённой любви, несчастья, горя, психологического дискомфорта, порождаемых ею. В связи с обилием психологических оценок фактов в произведении широко представлены отрицательные конструкции (их в рассказе около 50). В основном отрицание выражено отрицательными частицами «не», «ни», реже – словом «нет»; предлогом «без + именем существительным».

Персонаж-повествователь предстаёт перед нами в качестве умного, глубоко и тонко чувствующего, склонного к философским обобщениям человека. Достигается такой эффект ещё и за счёт того, что отрицание в тексте часто носит глобальный характер, а сами высказывания Алёхина по своему содержанию приближаются к афоризмам.

Так, рассуждая о любви, Алёхин говорит: *До сих пор о любви была сказана одна только **неоспоримая** правда, а именно, что «тайна сия велика есть», всё же остальное, что писали и говорили о любви, было **не решением**, а только постановкой вопросов, которые так и остались неразрешёнными.*

*Я понял, что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, от более важного, чем счастье или **несчастье**, грех или добродетель в их ходячем смысле, или **не нужно** рассуждать вовсе (О любви).*

Кроме того, в рассказе представлены сентенции и афоризмы, содержание которых касается не только любви: *То объяснение, которое, казалось бы, годится для одного случая, уже **не годится** для десятков других, и самое лучшее, по-моему, – это объяснять каждый случай в отдельности, **не пытаясь обобщать**.*

*К счастью или **несчастью**, в нашей жизни **не бывает ничего**, что **не кончалось** бы рано или поздно (О любви).*

В данном рассказе негативные высказывания служат созданию единства и единой эмоциональной окраски всего произведения, создают несколько грустный, эмоционально-лирический настрой, порождаемый исповедью героя о его несостоявшейся любви.

Персонаж-псевдоавтор считает своим жизненным кредо долг чести, ради которого он жертвует своей любовью. Используя отрицание, он и автор придают рассказу элегическую окраску.

Таким образом, негативные конструкции выражают в разных произведениях А.П. Чехова не только отрицательное отношение к нежелательному поведению персонажа, но и отношение к определённым фактам современной ему жизни, а также отношение к каким-то переживаниям, свойственным людям вообще («Рассказ о любви»).

Как и языковые средства категории интенсивности, категория негации призвана актуализировать изображаемое автором и деавтоматизировать восприятие текста читателем за счёт контраста отрицаемого существующей в когнитивном сознании говорящих этической нормы.

Интересно, что в текстах А.П. Чехова, где преобладает отрицание, редко возможны качественные интензивы и интенсификаторы. Возможность наличия качественных интензивов и деинтензивов при отрицании имеет свои когнитивно-ментальные ограничения. Думается, что явление это объясняется следующим: адресант, утверждающий отсутствие того или иного психического или физического действия в

реальной действительности, одновременно как бы исключает возможность восприятия интенсивности его проявления. Чего нет в действительности, о том невозможно никакое субъективно-объективное суждение, невозможна его оценка.

Однако с интенсификаторами количественного характера отрицательные предикаты легко сочетаются, ибо эти интенсификаторы раскрывают объём сферы действия отрицания. Это слова местоименного характера «нигде, никогда, ничто, всё» и др.

Средства категории негации Чехов использует в силу того, что считает, видимо, что с помощью их наиболее оптимально можно передать эмотивно-волевой характер отрицательной оценки поведения персонажа или каких-либо фактов объективной действительности.

Категория негации в отличие от категории интенсивности, текстообразующая роль которой проявляется на основе выражаемого языковыми средствами семантического повтора, объединяет высказывание в тексте не только семантически – общим значением отрицания, но и материально, лексико-грамматическими средствами – повторением частиц «не» и «ни».

С помощью средств категории негации возможно создание малого колюра, сочетающегося с круговым («Анна на шее»); суммы малого колюра, перерастающей в большой колюр («Моя жизнь»), сплошного колюра (в повествовании о неудавшейся любви – «О любви»). То есть с её помощью сравнительно легко осуществляется текстообразование, достигается композиционное единство монологического текста или его фрагментов.

Не менее значима категория негации и для чеховского диалога, а также внутренней речи персонажа. Но в них наряду с прямым отрицанием Чехов широко использует косвенные отрицания, заложенные в вопросительных, утвердительных по форме предложениях, но имеющих значение отрицательной, повествовательной конструкции. Такие предложения, как это, видимо, прекрасно знает автор, обладают, помимо отрицательной семантики, довольно мощным экспрессивно-эмоциональным потенциалом и широко используются в устной речи.

Они, например, используются во внутренней речи впервые влюбившегося уже в солидном возрасте Гурова. Он женат, и его томит неопределённость будущего у такого чувства, невозможность кому-либо рассказать о нём. Псевдоавтор выражает это не только с помощью прямого отрицания, но и эмоционально окрашенных вопросительных предложений с обратным смыслом: *Но дома **нельзя** было говорить о своей любви, а вне дома – не с кем. Не с жильцами же и не в банке. И о чём говорить? Разве он любил тогда? Разве было что-нибудь красивое... или просто интересное в его отношениях к Анне Сергеевне?* (Дама с собачкой).

Наличие эмоционально окрашенных вопросительных предложений в их переносном значении придаёт фрагменту текста элегическую окраску и заставляет читателя сочувствовать герою.

Довольно часто такие вопросительные предложения используются в диалогических репликах персонажей рассказа «Человек в футляре». Такие предложения присутствуют как в речи персонажа-повествователя, так и персонажей рассказа – Беликова и Коваленко: – *Ну, вот, к чему нам вдруг понадобилось женить этого Беликова, которого даже вообразить нельзя было женатым,* – говорит повествователь.

Но наиболее широко такие конструкции представлены в репликах учителя Коваленко, активно возмущающегося и протестующего против удушливой атмосферы, в которой живут и работают его коллеги: – *Не понимаю, – говорил он нам, пожимая плечами, – не понимаю, как вы перевариваете этого фискала, эту мерзкую рожу. Эх, господа, как вы можете так жить! Атмосфера у вас удушающая, поганая. Разве вы педагоги, учителя?* (Человек в футляре).

Использует такие конструкции в своей речи и Беликов, который протестует против всего нового, необычного, не соответствующего имеющимся циркулярам: – *Да разве тут надо ещё объяснять, Михаил Савич, разве это не понятно? Если учитель едет на велосипеде, то что же остаётся ученикам?*

И далее: – *О том, что вы и ваша сестрица катаетесь на велосипедах, узнает директор, потом дойдёт до попечителя. Что же хорошего?* (Человек в футляре).

Мастерски А.П. Чехов использует в текстах своей прозы и средства категории интенсивности.

Вывод о содержании понятия «интенсивность» И.И. Туранский формулирует следующим образом: Интенсивность – это семантическая категория языка, в основе которой лежит понятие градации количества в широком смысле этого слова» [Туранский, с. 3].

Ш. Балли понимал под интенсивностью все различия, сводящиеся к категориям количества, величины, ценности, силы и т. п. [Балли, с. 44]. Следует ещё отметить, что градация количества проявления действия или признака всегда основана на сопоставлении с нормой степени их проявления, существующей в когнитивном сознании говорящих, и не соответствует их ожиданиям, в силу чего неизменно вызывает удивление адресата. На этом основана сила воздействующей функции интенсифицированных или деинтенсифицированных конструкций.

Наряду с композиционными функциями, категория интенсивности часто выполняет ещё одну роль – речевой характеристики персонажа и псевдоавтора, которая представлена с точки зрения возраста персонажа, его образованности, его настроения, психологического состояния.

В качестве эмотивного и композиционного средства категория интенсивности представлена, например, в повести Чехова «Мужики», где она объединяет фрагменты высказывания в единое целое и создаёт эмотивную тональность. Интенсивы в целом ряде случаев контрастно противопоставлены деинтенсивам, что служит созданию антитезы. Таково первое описание деревни Жуково: *За крестьянскими усадьбами начинался спуск к реке, крутой и обрывистый, так что в глине, там и сям, обнажились громадные камни. По скату, около этих камней и ям, вырытых гончарами, вились тропинки, целыми кучами были навалены черепки битой посуды, то бурые, то красные, а там внизу растилался широкий, ровный яркозелёный луг, уже скошенный, на котором теперь гуляло крестьянское стадо. Река была в версте от деревни, извилистая, с чудесными кудрявыми берегами, за нею опять широкий луг, стадо, длинные вереницы белых гусей, потом, так же, как на этой стороне, крутой подъём на гору <...>* (Мужики).

Прекрасный пейзаж представлен автором неслучайно. Далее ярким контрастом ему является описание жизни людей, которые живут в таком окружении: *Какое прекрасное утро! И, вероятно, какая была бы прекрасная жизнь на этом свете, если бы не нужда ужасная, безысходная нужда, от которой нигде не спрячешься!* (Мужики).

Здесь контрастно противопоставлены прилагательные-интенсивы, прекрасная – ужасная, что более подчёркивает ужас нищенской жизни деревни. При этом в текстах присутствуют как интенсивы-квалитативы, так и квантитавы «широкий, длинные, нигде».

Всё это способствует не только единству фрагментов текста, но и их экспрессивно-эмотивной окраске, усиливающей воздействие на читателя, деавтоматизирующей его восприятие содержания, идеи произведения.

При использовании в речи псевдоавтора интенсивов и интенсификаторов автор учитывает его возраст и отсюда его речевые возможности. Так, в повести «Степь» автор употребляет более 35 раз интенсификатор «очень». Это естественно: ведь в качестве псевдоавтора выступает здесь девятилетний мальчик, для возраста которого это слово является наиболее частотным.

Частое употребление интенсифицирующих языковых средств в произведении явно связано с особенностями детской психологии восприятия окружающего мира ребёнком: всё в мире кажется удивительным, необычно ярким. Приём отстранения позволяет А.П. Чехову широко использовать выразительность категории интенсивности, не боясь казаться чересчур эмоциональным.

Присутствие слова «очень» не мешает использованию в речи псевдоавтора и других приёмов интенсификации, часто антонимичных –

интенсивов и деинтенсивов: *Из этого разговора Егорушка понял, что у всех его новых знакомых, несмотря на разницу лет и характеров, было одно общее, делавшее их похожими друг на друга: все они были люди с прекрасным прошлым и с очень нехорошим настоящим; о своём прошлом они, все до одного говорили с восторгом, к настоящему же относились почти с презрением* (Степь).

Гораздо реже «очень» употребляется в произведениях, где псевдоавторами являются взрослые, образованные люди. Так, в повести «Дуэль», герои которой интеллигентные люди, А.П. Чехов широко использует ещё и разнообразные интенсификаторы-наречия: *«удивительно, безгранично, необыкновенно, вполне, совершенно, отлично (отлично понимаю), слишком»* и др.: *Не поворачивая головы, он (Самойленко. – Г.Г.) поглядывал по сторонам и находил, что бульвар вполне благоустроен, что молодые кипарисы, эвкалипты и некрасивые, худосочные пальмы очень красивы и будут со временем давать широкую тень* (Дуэль).

Кроме того, в повести в качестве интенсивов широко используются книжные формы превосходной степени прилагательных, присутствующие в речи хорошо образованных, мыслящих и глубоко чувствующих персонажей: – *Да, он (фон Карен. – Г.Г.) прекраснейший, умнейший человек, – согласился Лаевский <...>*.

Обращаясь к фон Карену, Самойленко говорит: *Ты, величайшего ума человек, объясни-ка мне, пожалуйста.*

Лаевский же говорит: *У Верещагина есть картина: на дне глубочайшего колодца томятся приговорённые к смерти* (Дуэль).

Не менее часто в повести находим интенсификаторы, выраженные местоимёнными словами «так», «такой» вместе с поясняющими их придаточными местоимённо-соотносительными; при этом интенсификаторы «так», «такой» сами усиливают, интенсифицируют семантику слов-интенсивов, встречаются такие конструкции в основном в речи автора: *Увы, он (Лаевский. – Г.Г.) так страдал, что должен был оставить университет и два года жить дома без дела.*

...Каменистая гора, около которой ехали, была сколочена природою из громадных камней, давивших друг друга с такой страшной силой, что при взгляде на них Самойленко всякий раз невольно кряхтел (Дуэль).

В ряде случаев в роли интенсификаторов выступают местоимение и придаточное со значением ирреального сравнения: *Первое впечатление было такое, как будто они никогда не выберутся отсюда* (Дуэль).

Весьма значима категория интенсивности и средства её выражения для описания динамики изменения настроения, психического состояния персонажа-псевдоавтора.

Таково, например, содержание рассказа «Учитель словесности», где вначале герой-повествователь, влюблённый Никитин всё видит в розовом свете; он несказанно счастлив, что выражено с помощью интенсивов и интенсификаторов: *Манюся тоже молчала, и он чувствовал, отчего она молчит и почему едет рядом с ним, и был так счастлив, что земля, небо, городские огни, чёрный силуэт пивоваренного завода – всё сливалось у него в глазах во что-то очень хорошее и ласковое.*

Однако, женившись на Манюсе, он через некоторое время разочаровывается в своём браке и пишет в дневнике, используя уже деинтенсивы: *Меня окружает пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины с молоком, тараканы, глупые женщины ...* (Учитель словесности).

Таким образом, настроение, характер оценки окружающей действительности, их резкое изменение наглядно-образно отражены А.П. Чеховым путём оптимального использования языковых особенностей категорий интенсивности. Чехов, употребляя интенсивы и деинтенсивы, возможность их репрезентации в художественной речи, оптимально реализует заложенный в них изобразительно-воздействующий потенциал, осуществляя таким образом приём остранения.

Итак, категории негации и интенсивности являются для Чехова одним из важнейших средств создания эмоционально-экспрессивной тональности художественного текста, участвуют в создании эффекта неожиданности изображаемого, контрастно противопоставленного этическим и эстетическим нормам, существующим в когнитивном сознании читателя, и тем самым служат деавтоматизации восприятия текста; кроме того, они участвуют в композиционном структурировании текста или его фрагментов.

Возможности совмещения в одном фрагменте текста средств интенсификации и негации весьма ограничены. В силу этого А.П. Чехов в своих произведениях в наглядно-образных целях соответственно своему иллюкативному художественному замыслу использует языковые средства то одной, то другой категории, добиваясь эффекта неповторимой гармонии.

ЛИТЕРАТУРА

- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
Виноградов В.В. Современный русский язык. М., 1938.
Гаврилова Г.Ф. Категория отрицания как средство выражения социальных и этических авторских оценок // Textus. Избранное. 1994 – 2004. Ч 2. Ставрополь, 2005.
Диброва Е.И. Категории художественного текста // Семантика языковых единиц. Т. 2. М., 1998.

Дондуа К.Д. Грамматическое отрицание // Язык и мышление. Вып. 11. / М.; Л., 1948.

Труб В.М. О коммуникативных аспектах отрицания как негативной оценки истинности // ВЯ. 1994. №1.

Туранский И.И. Средства интенсификации высказывания в английском языке. Куйбышев, 1987.